

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

С. Г. Кляшторный

**ХРАМ, ИЗВАЯНИЕ И СТЕЛА
В ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ТЕКСТАХ**

(К интерпретации Ихе-Ханын-норской надписи)

МАРШРУТ ДМИТРИЯ КЛЕМЕНЦА

Зимой 1893 г. бывший воспитанник физико-математического факультета Петербургского университета, бывший народоволец, политический ссыльный, консерватор музея Восточно-Сибирского отдела Географического общества Дмитрий Александрович Клеменц прислал своему начальнику по Орхонской экспедиции академику В. В. Радлову отчет о рекогносцировочном археологическом маршруте по Центральной и Северо-Западной Монголии и по Урянхайскому краю (Тува), совершенном летом 1891 г. «Считаю долгом и здесь предупредить, — пишет он в преамбуле к отчету, — что я ставлю себе здесь правилом тщательно воздерживаться от каких бы то ни было исторических соображений, так как я пишу отчет, а не монографию о развалинах Монголии; и кроме того я считаю более целесообразным предоставить комментарии к моим описаниям ориенталистам-историкам, к которым не имею чести принадлежать; работая в провинции, я лишен источников, справка с которыми необходима для подобной работы»¹.

Самооценка была чересчур скромной — археологический дневник Д. А. Клеменца оказался образцовой научной работой, и впоследствии, в 1898 г., Академия наук вновь поручила ему археологическое обследование, на этот раз Восточного Туркестана.

¹ Д. К л е м е н ц, Археологический дневник поездки в Среднюю Монголию в 1891 году, — СТОЭ, вып. II, 1895, стр. 4. О Д. А. Клеменце и его путешествиях см.: Н. М о г и л е в с к и й, Памяти Д. А. Клеменца, — «Материалы по этнографии России», т. II, СПб., 1914, стр. 1—7; «Сборник памяти Д. А. Клеменца», Иркутск, 1916 («Изв. Вост.-Сиб. отдела Географ. об-ва», т. XIV); И. И. П о п о в, Д. А. Клеменц. Его жизнь и деятельность, — в кн.: Д. А. К л е м е н ц, Из прошлого. Воспоминания, Л., 1925, стр. 7—63.

А памятным летом 1891 г. Д. А. Клеменц стал ближайшим сотрудником В. В. Радлова и исполнителем самых трудных его заданий. Уже осенью, в Минусинске, Клеменц пишет свое первое отчетное письмо В. В. Радлову: «Окончив возложенное на меня поручение, считаю своим долгом ознакомить Вас с результатами моих работ, на первый раз в самой краткой форме, впредь до представления отчета. По предположению я должен был от Хара-Балгасуна на Орхоне пройти в Урянхайскую землю, на верхний Енисей и собрать данные для решения вопроса — существует ли непрерывная связь между памятниками Орхона и давно известными остатками древней культуры на верхнем и среднем Енисее. . . Я должен был заметить и описать памятники, которые встретятся мне на пути, снять надписи, если таковые будут, и в то же время собирать сведения о топографии местности»².

Те задачи, которые были поставлены перед Д. А. Клеменцем, — установить степень связанности древнетюркской культуры Центральной Азии и Южной Сибири и найти археологическую границу между двумя регионами — не решены окончательно и поныне³. Но первый вариант их решения был предложен В. В. Радловым в немалой степени благодаря наблюдениям Клеменца⁴.

Среди памятников, исследованных тогда Клеменцем, оказалась и группа курганов, о которых путешественник сообщает особенно подробно: «Хуни-гол мы только пересекли и по левому притоку его, Талаин-Булык, через перевал того же имени спустились к озеру Ихе-Ханын-нор, лежащему около речки Ханын-гол или Хануй. . . Верстах в четырех от озера и в полуверсте от р. Хануй мы нашли громадные развалины, к которым не стыдно приурочить и город драгоценностей. Из всех виденных мною в Монголии эти развалины самым ясным образом доказывают, что здесь был некогда город. . . Верстах в пяти от развалин, недалеко от северного конца Ихе-Ханын-нора, две каменные могилы, два орона, как говорили монголы. Могила огорожена сплошными плитами из метаморфического сланца, внутри изгороди каменные бабы без голов, очень грубо выделанные. На наружных сторонах плит высечен орнамент в виде составленных рядами вы-

² Письмо Д. А. Клеменца на имя академика Радлова, — СТОЭ, вып. I, 1892 (далее — К л е м е н ц, Письмо), стр. 13.

³ Северо-Западная Монголия была долгое время ближе в этнокультурном отношении к Туве и Алтаю, нежели к Центральной Монголии, что археологически фиксируется уже для эпохи бронзы и раннего железа. См., например: В. В. В о л к о в, Основные проблемы изучения бронзового и раннего железного века МНР, — «Олон Улсын Монголч Эрдэмтний II их хурал», I б., Улаанбаатар, 1972, стр. 91—94.

⁴ W. R a d l o f f, Die alttürkischen Inschriften aus dem Flussgebiete des Jenissei, — АТМ, 1895, стр. 301.

тянутых шестиугольников, подобных встреченным в Кошо-Цай-даме. . . На одной из плит на этих могилах находится небольшая руническая надпись, которую я, разумеется, тотчас же снял посредством эстампажа. За рекой Ханьин-голом, по речке Дзун-Модо, нашел я еще два подобных же кургана, но без надписей. Больше подобных курганов в Монголии и в Урянхайской земле, хорошо известных и часто встречающихся в Минусинском округе, я нигде не видал»⁵.

Соседство обширного городища, остатков каменных гробниц, богато украшенных орнаментом, и рунической надписи привлекло внимание Клеменца и побудило его дать первую атрибуцию всего комплекса памятников, основанную на вполне логичном сопоставлении с подобным же комплексом, хотя и бóльшим по объему, — древнейгургским городищем Карабалгасун, близ которого Н. М. Ядринцевым был обнаружен замечательный трехязычный памятник⁶. «Могилы, которые находятся не в дали от этих развалин, могилы с разнообразными письменами, с каменными бабами заставляют нас, — писал Клеменц в своем дневнике, — признать эти развалины одновременными с древними Орхонскими (т. е. с Карабалгасуном. — С. К.) впрямь, пока не будет доказано противного»⁷.

Наиболее подробно пишет Клеменц о своей находке в «Объяснительной записке» ко второму выпуску «Атласа древностей Монголии»: «В версте выше впадения в Хануй левого притока его Цзун-цзур находятся развалины неизвестного города, называемого местными жителями Ханьинбалгасун. . . Невдалеке, к востоку от развалин проходит невысокий кряж. . . к востоку от него, не более как в полуверсте, находится солоноватое озеро Их-Ханьин-нор (другое название озера Айрик-нор)⁸. На западном берегу этого озера, в расстоянии от него около двухсот сажен и приблизительно верстах в трех к северу развалин находятся две каменные могилы в расстоянии пяти футов одна от другой. . . Западная, первая могила имеет в длину, с запада на восток, 8 футов и в ширину, с юга на север, 5 футов. Она огорожена четырьмя плотно сомкнутыми плитами, из которых сохранились более или менее западная и южная плиты; северная и восточная выдаются из земли всего на несколько дюймов. Высота сохранившихся плит два с половиной фута, длина южной пять, а западной — четыре фута. . . На наружных сторонах плит выбиты укра-

⁵ Д. А. Клеменц, Письмо, стр. 16—17.

⁶ Н. М. Ядринцев, Отчет экспедиции на Орхон, совершенной в 1889 г., — СТОУ, вып. I, 1892, стр. 79—81.

⁷ Д. Клеменц, Археологический дневник поездки в Среднюю Монголию в 1891 году, стр. 68.

⁸ Современное название озера — Их-нор.

пения в виде горизонтально идущих рядов шестиугольников. На западном конце южной плиты сохранился остаток бордюра в виде вертикально идущих с закрученными концами изображений»⁹.

В 1927 г. Бальджи Бамбаев, сотрудник этнолого-лингвистического отряда Комиссии по изучению Монголии и Танну-Тувы, вновь обнаружил могильник и надпись, а также огромное городище близ них: «В трех верстах от развалин города видел тюркское погребение с орхонской надписью, что в прошлом году было раскопано местными монголами с целью найти клад»¹⁰. Погребальное сооружение, таким образом, было уничтожено, а надпись Б. Бамбаев сфотографировал, сделал эстампаж и прорисовку; вместе с его отчетом сохранилась лишь последняя¹¹.

Мне ничего не известно о каких-либо исследованиях городища или могильника в последующие годы, так же как о судьбе надписи. Д. Майдар в своем труде поместил городище под названием Хануйн-балгас в списке тех городищ и селищ, время существования которых не установлено¹².

Связь самого могильника с древнетюркскими погребальными сооружениями сомнений не вызывает: он вполне аналогичен поминальным сооружениям Баин-Даване-аман¹³ и Ихе-Асхета¹⁴ и так же, как они, может быть отнесен к VIII в.

НАДПИСЬ

Сохранившийся фрагмент Ихе-Ханын-норской надписи насчитывает 28 рунических знаков, по большей части хорошо сохранившихся. Палеографически надпись идентична надписям Ихе-Асхета, что было отмечено В. В. Радловым¹⁵. Ее особенностью является использование в качестве словоразделителя

⁹ В. В. Радлов, Атлас древностей Монголии, СПб., 1892 (объяснительная записка Д. А. Клеменца и табл. LXXI—LXXIX).

¹⁰ [Б. Бамбаев], Предварительный краткий отчет Бамбаева Бальджи о работе в этнолого-лингвистическом отряде экспедиции АН СССР по исследованию Внешней Монголии и Танну-Тувы, состоявшейся в 1927 г., рук. Архива Института истории АН МНР, № 31, л. 26.

¹¹ Там же, л. 9а—9б.

¹² Д. Майдар, Архитектура и градостроительство Монголии, М., 1971, стр. 230, № 89.

¹³ Б. Я. Владимиров, Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах, — сб. «Северная Монголия», т. II, Л., 1927, стр. 38—41.

¹⁴ В. В. Радлов, Атлас древностей Монголии, табл. XV, № 2; Л. Р. Кызласов, История Тувы в средние века, М., 1969, стр. 41.

¹⁵ W. Radloff, Die Inschrift vom Ichi-Chanun-Nor, — ATIM, стр. 259.

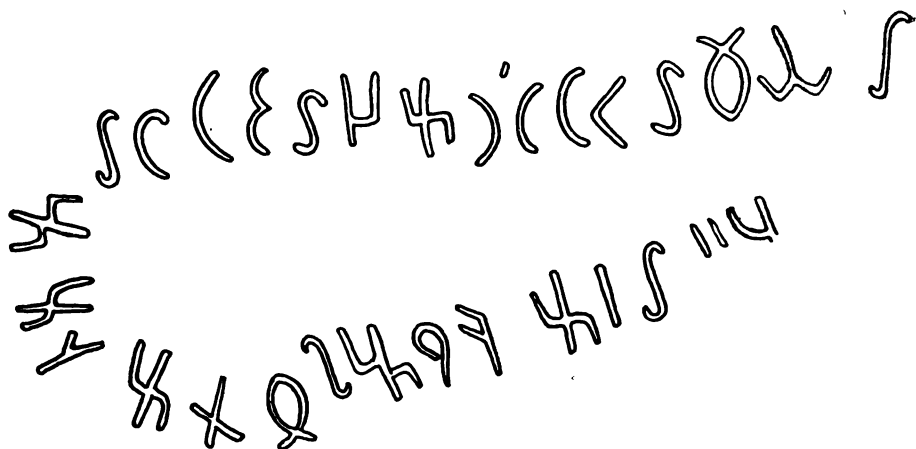

Рис. 1а. Прорисовка Ихе-Ханын-норской надписи. Первый фрагмент
(по Б. Бамбаеву)

вместо двоеточия знака для *a/e*¹⁶, что более свойственно енисейскому варианту рунического письма.

Эстампаж Д. А. Клеменца оказался, к сожалению, не вполне удовлетворительным. Попытки его ретушировки повели к оши-

Рис. 16. Прорисовка Ихе-Ханын-норской надписи. Второй фрагмент
(по Б. Бамбаеву)

бочному воссозданию некоторых знаков¹⁷. Поэтому чтение и перевод В. В. Радлова, которому принадлежит первый опыт дешифровки надписи¹⁸, оказались недостаточно полными. Столь же неполно чтение Х. Н. Оркуна¹⁹. Последний опыт переиздания

¹⁶ Там же. Не лишено вероятности, что словоразделительное *a* имеет здесь дополнительное экскламативное значение; ср., например: L. B a z i n, L'inscription d'Uyug-Tarlig, — «Acta Orientalia», Copenhagen, 1957, t. XXII, стр. 1—7.

¹⁷ В. В. Р а д л о в, Атлас древностей Монголии, табл. XXIII, № 2а и 2б.

¹⁸ W. R a d l o f f, Die Inschrift. . ., стр. 259.

¹⁹ H. N. O r k u n, Eski türk yazıtları, с. II, İstanbul, 1939, стр. 101.

надписи по той же копии Д. А. Клеменца принадлежит Т. Текину²⁰.

В 1968 г. я ознакомился с материалами Б. Бамбаева в Институте истории АН МНР (Улан-Батор) и установил, что сделанная им копия надписи более полна и надежна, чем копия Д. А. Клеменца. Теперь возможно предложить несколько уточненный текст, основанный как на копии Д. А. Клеменца, так и на копии Б. Бамбаева.

...*Siz kejin bedizinizin bunča qazyanu ber[tiniz]. . . barty berti . . .* (вариант: *bart berti*) . . .

КОММЕНТАРИЙ

1. Началу читаемой части надписи предшествуют следы еще двух знаков и знак-словоразделитель; после конечного *i* в слове *berti* обозначен знак-словоразделитель, показывающий, что текст имеет продолжение.

2. Первые пять знаков (*szkjn*) Радлов читал как *sezikejin* < *sez+k+(e)jin* и переводил «ich will betrauern»²¹ — «я хочу оплакивать»²². Однако ни в одном другом тексте или разговорном языке глагол *sezik-* в этом значении ни самим Радловым, ни другими исследователями зарегистрирован не был; ср. *sezik-* ‘предполагать’, ‘сомневаться’, ‘подозревать»²³. Х. Оркун, приняв чтение двух первых знаков как *siz* ‘вы’, последующие три читал как *ekejin*, оставляя, впрочем, прочтенное слово без перевода и толкования²⁴. Т. Текин читает здесь: *äsiz! käyin!* «How sad! What a pity!» («Какая печаль! Какое горе!»)²⁵. Однако чтение первого слова как *siz*, предложенное Оркуном, предпочтительнее, что подтверждается наличием аффикса принадлежности 2-го лица множественного числа при следующем слове и восстанавливаемой Радловым, Оркуном и Текином формой 2-го лица множественного числа прошедшего времени в глаголе-сказуемом. Обращение к покойному в эпитафии хотя и не слишком часто встречается в эпитафийной рунике, однако не лишено аналогий в памятниках енисейского круга²⁶. Предложенное Текином чтение *kejin* единственно

²⁰ Т. Текин, On a Misinterpreted Word in the Old Turkic Inscriptions, — UAJ, 1964, vol. 35, fasc. B, стр. 139.

²¹ W. Radloff, Die Inschrift. . . , стр. 259.

²² В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. IV, СПб., 1911, стлб. 491. Реконструированный в тексте глагол дан в словаре без других аналогов и возводится к *sāz-* ‘чувствовать’, ‘чувять’, ‘узнавать’ (стлб. 489).

²³ ДТС, стр. 499.

²⁴ Н. Н. Оркун, Eski türk yazıtları, с. II, стр. 101.

²⁵ Т. Текин, On a Misinterpreted Word. . . , стр. 139.

²⁶ A. v. Gabaïn, Inhalt und magische Bedeutung der alttürkischen Inschriften, — «Anthropos», Bd 48, 1953, стр. 543; J.-P. Roux, La mort chez les peuples altaïques anciens et medievales, Paris, 1963, стр. 162.

возможное, однако значение слова «жалость», «горе» — ничем им не обосновано. Наиболее вероятное и, во всяком случае, наиболее оправданное грамматически значение слова — «затем», «после (этого)»²⁷.

3. Чтение последующей части предложения — *bedizizinin bunča qazıyanı ber[tiniz]* — одинаково во всех трех упомянутых публикациях и сомнений не вызывает. Переводы, однако, во всех трех случаях различны из-за разной интерпретации слова *bediz*. Так, по Радлову: «Durch eure Arbeit so viel habt ihr erworben. . .» («Вы столь много приобрели благодаря Вашим делам. . .»); по Оркуну: «bu kadar tezyinatınizi kazanı verdiniz» («Вы столь много Ваших украшений приобрели»); по Текину: «You achieved so much with your might!» («Вы столь многого достигли благодаря Вашему могуществу!»).

4. Последняя сохранившаяся часть надписи читается только по копии Б. Бамбаева. Слово *bart* 'сосуд', 'кубок' в рунической письменности до сих пор не фиксировалось и отмечено впервые Махмудом Кашгарским для языка караханидских тюрков (хакани) и для языка огузов²⁸.

Очевидно, что главное различие трех имеющихся переводов надписи, различие, наиболее существенное для понимания и интерпретации текста, — в разном осмыслении слова *bediz*. Оставим пока это слово без толкования. Тогда возможно предложить следующий, еще предварительный перевод Ихе-Ханын-норской надписи:

«. . . После этого Ваши *bediz* Вы в столь большом числе приобрели. . . свой кубок он даровал (вариант: кубок он даровал). . .»

ТОЛКОВАНИЯ СЛОВА *BEDIZ*

Слово *bediz*, как кажется, не составляло загадки для переводчиков древнетюркских текстов. Его обычные переводы — «украшение», «скульптурное украшение», «скульптура», «резьба» — были предложены уже первыми исследователями древнетюркских текстов²⁹. С. Е. Малов еще более расширил семантический диапазон слова в древнетюркских рунических надписях и древнеуйгурских текстах: «украшения», «резьба», «орнамент», «краси-

²⁷ Ср.: ДТС, стр. 295; подробно о фонетических вариантах слова, его этимологическом развитии и употреблении в памятниках см.: G. Clauson, An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish, Oxford, 1972, стр. 704.

²⁸ ДТС, стр. 85; G. Clauson, An Etymological Dictionary. . ., стр. 358.

²⁹ В. В. Радлов, Опыт словаря. . ., т. IV, стлб. 1622—1623; П. М. Мелюранский, Памятник в честь Кюль-Тегина, СПб., 1899, стр. 77—79 (отд. отт.); V. Thomsen, Inscriptions de l'Orkhon, Helsingfors, 1896, стр. 119—121.

вый», «хороший», «скульптурное украшение», «украшенное здание». Глагол *bediz-* означает «устанавливать здание с украшениями», «украшать», «художественно устроить»; *bedizči* — «мастер», «строитель», «художник»³⁰. В «Древнетюркском словаре» приведены следующие значения со ссылкой на древнетюркские рунические памятники: «резьба», «орнамент», «украшение», «памятное здание»; со ссылкой на древнеуйгурские тексты: «изображение», «образ». Выражение *bediz bediz-* означает «сооружать здание» (по надписи Кули-чора); глагол *bediz-* — «украсить» (со ссылкой на памятник в честь Кюль-тегина), *bedizči* — «резчик по дереву, камню»³¹. Выше мы приводили толкования термина *bediz* в Ихе-Ханын-норской надписи: «дело» (Радлов), «украшение» (Оркун), «мощь» (Текин). В «Словаре» Дж. Клосона дано одно основное значение слова — «украшение» («ornamentation») ³².

Отметим прежде всего наличие позднейших (XI—XIV вв.) переводов термина *bediz* через арабские *сурам* 'образ' и *ал-наки* 'изображение', 'рисунок'³³. В переводах на древнеуйгурский язык китайских буддийских текстов, в двух случаях, выражение «пусть он нарисует мой образ» передается глагольной формой *bedizetzün* ³⁴.

Особое значение имеет случай употребления этого термина в согдийском тексте РЗ (Парижское собрание рукописей из Дуньхуана), посвященном волшебным свойствам камней, своего рода «Магической минералогии»³⁵. В. Б. Хеннинг полагал, что этот текст тождествен упоминаемой Бируни в его «Минералогии» книге «магов Согда» о свойствах камней³⁶, хотя дошедшая до нас версия, судя по упоминаниям древнетюркских заклинаний, была записана скорее в Центральной Азии, нежели в самом Согде.

Приведем отрывок, содержащий интересующий нас термин, в переводе В. А. Лившица: «На бруске белого сандала надо сделать изображение (*βδyз'k*), такое же, как изображение (*pyštк*) на деревянных табличках (или: «чашах?»), и как там, на этих табличках (чашах?), так [и на бруске] нужно вырезать: верблюд борется с верблюдом, конь борется с конем, осел — с ослом, бык —

³⁰ С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951, стр. 369; е г о ж е, Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, М.—Л., 1959, стр. 92.

³¹ ДТС, стр. 90.

³² G. C l a u s o n, An Etymological Dictionary. . ., стр. 310.

³³ Там же.

³⁴ F. W. K. M ü l l e r, Uigurica, — SPAW, 1908, Abh. 2, стр. 29; Suvarnaprabhasa, 544, 7 (ДТС, стр. 90); W. B a n g, A. v. G a b a i n, Türkische Turfan-Texte, V, — SPAW, 1931, Bd XIV, стр. 338. Сверка с китайским текстом осуществлена благодаря любезной помощи Л. Н. Меньшикова.

³⁵ E. B e n v e n i s t e, Textes sogdiens, Paris, 1940, стр. 67.

³⁶ W. B. H e n n i n g, Mitteliranisch, — «Handbuch der Orientalistik», Bd IV. Iranistik, Abschnitt I, Leiden — Köln, 1958, стр. 85.

с быком, баран — с бараном, собака — с собакой, птица — с птицей, человек — с человеком. Таковую резьбу нужно приказать целиком вырезать на табличках (чашах?) искусному мастеру». Оставленный непереуведенным Э. Бенвенистом в согдийском тексте тюркский термин *bediz* соответствует, очевидно, согдийскому термину со значением «изображение».

Для рунических текстов нет иноязычных калькирующих переводов слова *bediz*, и его значение может быть установлено только путем сопоставлений внутри самих текстов и сравнением с реальными комплексами погребальных сооружений. Предложено три основных толкования термина в контекстах памятников в честь Кюль-тегина, Бильге-кагана и Кули-чора: «памятное (украшенное) здание», «украшения» или «резные украшения», «скульптурные украшения». Возможны ли все эти значения применительно к одному слову?

Во всех случаях, когда речь определенно идет о сооружении памятного здания при погребении (т. е. заупокойного храма), в упомянутых текстах употреблен термин *barq* (КТм 12, КТб 53, БК Хв 14, БК X 1). Значение этого термина сомнений не вызывает — «здание», «архитектурное сооружение» (ср.: ДТС, стр. 84). В парных сочетаниях, зарегистрированных в рунических (БК 32, Б 4, 14), древнеуйгурских и более поздних текстах, *barq* объяснено через *eb* (*ev*) со значением «жилище», «дом», «усадебная» (ДТС, стр. 162, 189)³⁷. Везде, где *barq* и *bediz* соседствуют в тексте, последний термин переводится как «украшение», но в одном случае, когда термин *barq* отсутствует, выражение *bedizin bedizti olurttı* (КЧ, 24) переводят, вопреки логике, как «устроили краси-

³⁷ По мнению В. А. Лившица, иранская этимология термина *barq* весьма вероятна, однако при установлении этимона следует считаться по крайней мере с тремя возможностями: 1) древнеперс. **waraka-* > авест. *vara-* 'ограда', 'укрепление', 'укрепленное поселение' (от корня *war* 'окружать', 'защищать'), ср. совр. перс. *bāre* 'стена', рус. *вар*, *вор*. При таком толковании тюрк. *barq* является заимствованием из ранненовоперсидского *bar(a)g* (с переходом *w-* > *b-*, характерным для новоперсидского, ср. среднеперс. *var* как эквивалент авестийского *vara-*, но с сохранением консонантного элемента в суффиксе *-ag*); 2) заимствование из сакского диалекта, ср. хотаносакское *vara* 'ограда', 'двор', 'крепость', но также *bārmana* 'ограда', 'резервуар для воды' (с переходом *v-* > *b-*, обычным в хотаносакском); 3) парфян. *bāraq* 'стена', 'укрепление', засвидетельствованное в манихейских парфянских текстах, вероятно от древнеиранского корня **bar-* 'усиливать', 'укреплять(ся)'; древнетюркское слово могло быть, скорее всего, заимствовано из раннесогдийского, в котором оно звучало как **vārak* (β'rk позднее β'ry-), для освоения согд. *v-* в древнетюркском как *b-* имеются убедительные примеры. Ср.: Р. Н о г н, Grundriss der neupersischen Etymologie, Strassburg, 1893, стр. 37, № 161; Н. S. N y b e r g, Hilfsbuch des Pehlevi, Bd II. Glossar, Uppsala, 1931, стр. 32—33; М. М а у г h o f e r, Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch, Bd II, Heidelberg, 1963, стр. 417; Н. W. В a i l e y, Analecta Indoscythica, II, — JRAS, 1954, стр. 26—28.

вое здание»³⁸. Поэтому, очевидно, решающее значение для толкования *bediz* как «памятное здание» имеет отрывок из надписи в Ихе-Хушоту (памятник в честь Кули-чора Тардушского).

Памятник в Ихе-Хушоту, открытый в июле 1912 г. В. Л. Котвичем в 200 км к юго-западу от Урги (ныне Улан-Батор), является составной частью обширного погребального комплекса, обнесенного невысоким земляным валом прямоугольной формы с закругленными углами. Длина огражденной площадки по линии восток—запад 40 м, ширина 30 м. В западной стороне площадки находится частично разрушенный саркофаг, образованный четырьмя большими каменными плитами, внешняя поверхность которых покрыта орнаментом. Стела с надписью расположена в восточной части площадки и в отличие от царских памятников укреплена не на спине черепахи, а между двумя плитами. С востока к стеле примыкала аллея, вдоль которой были расположены фигуры людей и животных. Сохранились четыре фигуры животных (две — фигуры львов) и шесть фигур людей, две из которых в обломках. Все человеческие фигуры (разного размера) изображают людей, сидящих на подогнутых ногах. На восток от площадки вытянулась цепочка каменных столбиков длиной более 1 км; В. Л. Котвич насчитал в ней 153 камня, но часть камней повалена или выдернута. Саркофаг, стела, фигуры львов и людей, цепочка балбалов расположены по оси восток—запад³⁹. В 1962 г. памятник был вновь обследован Э. Трыярским, который издал его новый перевод совместно с Дж. Клосоном⁴⁰. Ими было установлено, что в надписи изложена биография не одного лица, а трех, носивших имя или титул Кули-чор, наследственно возглавлявших «бегов тардушей» и связанных прямыми родственными отношениями: дед — отец — сын (внук). В 24—27 строках описываются похороны последнего Кули-чора; в похоронных обрядах участвовал младший брат Бильге-кагана — Эльчор-тегин и другие знатные лица:

(24) . . . *qayan inisi el čor tegin kelip ulayu tört tegin kelip yšvara bilge küli čoryu yoplat(ty) bedizin bedzet(t)i olurt(ty)*.

«(24) . . . Пришел младший брат кагана, Эльчор-тегин, следом пришли четыре тегина. Они устроили похороны Ышвара Бильге Кули-чора, они также приказали изготовить *bediz* и их усадить (сделать восседающими)»⁴¹. Благодаря глаголу *olurt*- значение

³⁸ С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, стр. 29; ДТС, стр. 90.

³⁹ W. Kotwicz et A. Samoilovitch, Le monument turc d'Ikhe-Khuchotu en Mongolie centrale, — RO, t. IV, 1928, стр. 60—64.

⁴⁰ G. Clauson, E. Trjarski, The Inscription at Ikhe Khushotu, — RO, t. XXXIV, 1971, z. I, стр. 7—33.

⁴¹ С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, стр. 28, 29; G. Clauson, E. Trjarski, The Inscription at Ikhe Khushotu, стр. 22, 30.

bediz здесь проявляется — сидящими изображены в комплексе изваяния людей, вероятно покойного и кого-то из его близких (два крупных изваяния) и его слуг (участников похоронной церемонии?)⁴². Следовательно, выражение *bediz bediz-* переводится не «устраивать красивое здание», а «изваять скульптуры (скульптурные изображения)».

ЦАРСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ НА ОРХОНЕ

Установленное значение термина *bediz* можно проверить при подстановке выявленного эквивалента во все другие контексты, где этот термин встречается, заменив им неопределенное «украшение», «орнамент». Тогда обнаруживается, что термин *bediz* является частью перечня древнетюркского царского погребального комплекса. Вот «протокольное» дополнение (приписка) к тексту надписи в честь Кюль-тегина: *barqyn bedizin bitig tašyn bičin jylqa jetinč aj otuzqa qor alqadymyz* 'Храм, изваяния, стелу с надписью — все это мы освятили (благословили) в год обезьяны, в седьмой месяц, на тридцатый день'⁴³. Тут ясно указан подлежащий освящению состав погребального комплекса — храм, изваяния, стела с надписью. Все это обнаружено и зафиксировано археологически⁴⁴. А вот еще более полный «инвентарный» список к надписи в честь Бильге-кагана в аналогичном дополнении Йолыг-тегина, автора Кошо-Цайдамских текстов, ведавшего также сооружением погребений: *taš barq* 'каменный храм' (по Т. Текину 'мавзолей')⁴⁵, *bediz* 'изваяния', *bäyü taš* 'вечный камень', т. е. стела с надписью, *uz* 'художества', 'украшения'⁴⁶.

⁴² В переводе Малова *olurttı* передано словами «поставили (надписи?)»; Клосон и Трыарский оставили *olurttı* без перевода. Наиболее точно перевел Т. Текин: «Они изваяли скульптуры и установили их» (Т. Текин, *A Grammar of Örkhon Turkic*, Bloomington, 1968, стр. 295). Однако глагол *olur-* имеет достаточно определенное значение — «сидеть», «садиться», «восседать» (ДТС, стр. 366—367).

⁴³ Ср.: С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, стр. 33, 43.

⁴⁴ L. Jisl, *Vorbericht über die archäologische Erforschung des Kül-Tegin-Denkmal*s durch die tschechoslowakisch-mongolische Expedition des Jahres 1958, — UAJ, Bd 32, 1960, стр. 65—77.

⁴⁵ Т. Текин, *A Grammar...*, стр. 263—272.

⁴⁶ Ср.: С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, стр. 19, 24. Термин *uz* в значении «искусная, художественная работа», «художество» см.: G. Clauson, *An Etymological Dictionary...*, стр. 277; Т. Текин, *A Grammar...*, стр. 391. G. Doerfer, *Türkische und mongolische Elemente in Neupersischen*, Bd II, Wiesbaden, 1965, стр. 144—145. Именно этот термин употреблен в текстах для передачи понятия всякого рода художественной работы, а не *bediz*.

Еще два перечня из надписи в честь Кюль-тегина. Бильгекаган рассказывает, как он похоронил любимого брата: *aḡar adynčyū barq jaraturtum ičin tašyn adynčyū bediz urturtum taš toqytdym* 'Я приказал им (мастерам) построить особое здание (храм). Внутри и снаружи здания я приказал поместить необыкновенные изваяния. Я приказал воздвигнуть стелу'⁴⁷. Именно внутри храма при раскопках погребальных сооружений были обнаружены остатки изваяний Кюль-тегина и его жены, выполненные с высоким искусством; снаружи тянулись два ряда изваяний⁴⁸.

В другом отрывке сообщается о прибытии на похороны Кюльтегина китайского посла с придворными мастерами; здесь упомянуты строители храма, ваятели скульптур и резчики надписи на стеле (КТб, 53)⁴⁹. И наконец, еще одно свидетельство — барельеф на каменной плите из Ихе-Асхета с изображением трех сидящих фигур — князя и двух его сыновей — и посвященной им погребальной надписью. Как отметил Л. Р. Кызласов, плита с барельефом стояла с восточной стороны «саркофага»-ограды, т. е. на обычном месте каменной фигуры, и заменяла ее⁵⁰. Изготовление этих барельефных изображений обозначено при помощи глагола *bediz*⁵¹.

Теперь можно сделать первый вывод: в рунических текстах термин *bediz* обозначает скульптурные — статуарные или барельефные — изображения людей, которым посвящен погребальный обряд или как-то иначе связанных с погребальным обрядом.

Теперь первую фразу надписи Ихе-Ханын-нора можно перевести точнее: «. . . После этого Ваши изваяния Вы в столь большом числе приобрели. . .» Почему, однако, отмечается большое число изваяний? Ведь если исключить два царских комплекса, несравнимых с другими по масштабу, число изваяний обычно ограничивается одним — изображением самого покойного⁵², которое устанавливается обычно с восточной стороны «саркофага», каменной ограды или каменной насыпи. Следует отметить, что

⁴⁷ Ср.: С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, стр. 28, 35.

⁴⁸ L. Jisl, Vorbericht. . ., стр. 70—77.

⁴⁹ Подробный анализ китайских сведений о похоронах Кюльтегина и Бильгекагана, где упомянуто сооружение заупокойных храмов, стел с надписью и статуй, в том числе и изваяний умерших, см.: P. Pelliot, Neuf notes sur des questions d'Asie Centrale, — TP, 1929, vol. 26, стр. 229—248. См. также: Л. Р. Кызласов, История Тувы. . ., стр. 38—41.

⁵⁰ Л. Р. Кызласов, История Тувы. . ., стр. 41.

⁵¹ С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, стр. 45.

⁵² По поводу семантики изваяний в течение нескольких десятилетий шла оживленная дискуссия. См. теперь: W. K o t w i c z, Quelques remarques encore sur les statues dites «baba» dans les steppes de l'Eurasie, — RO, t. XIII, 1937, стр. 159—189; Л. Р. Кызласов, История Тувы. . ., стр. 35—44.

фигура покойного всегда изображается в сидячем положении⁵³. Это видно и по упомянутым остаткам статуарных изображений в царских комплексах Орхона, где стоящие фигуры изображают только участников похоронной процессии, и по барельефу Ихе-Асхета, где все три фигуры — сидящие, и по скульптуре Ихе-Даване-аман. Наконец, практически все древнетюркские изваяния Монголии, Южной Сибири, Тувы и Семиречья, если даже они не изображены с подогнутыми ногами или на сиденьях (как, например, в Дариганге), показаны как сидящие — немного ниже пояса скульптура завершается и остается лишь необработанная часть камня, погружаемая в землю⁵⁴. На поверхности земли, таким образом, изваяние фиксировалось в позе восседающего, хотя изображение подогнутых ног, не всегда легко исполнимое технически, опускалось.

Именно только эти сидящие фигуры, изображающие покойного, и должны быть как будто обозначены термином *bediz* в тех случаях, когда нет других изваяний, изображающих участников траурной процессии. Следовательно, напрашивается предположение, что в погребальном комплексе Ихе-Ханын-нора были какие-то другие изваяния и в большом числе, археологически, однако, не засвидетельствованные. Возможно вместе с тем и другое предположение. В древнетюркские погребальные комплексы входят длинные вереницы балбалов — грубых антропоморфных стел или каменных столбиков, символизировавших убитых врагов погребенного воина, души которых были обязаны ему заупокойной службой⁵⁵. Но относится ли понятие *bediz* к этим грубым изображениям или слегка подтесанным каменным столбикам?

ТРЕТИЙ ПАМЯТНИК С р. УЙБАТ

Весной 1721 г. Д.-Г. Мессершмидт, осуществлявший в Сибири по поручению Петра Великого научные исследования самого широкого диапазона, осмотрел и описал указанный ему местными хакасами на р. Уйбат древний памятник с неизвестными пись-

⁵³ Ср.: Я. А. Ш е р, Каменные изваяния Семиречья, М.—Л., 1966, стр. 26, прим. 11.

⁵⁴ См., например, издания, посвященные древнетюркским изваяниям: В. А. К а з а к е в и ч, Намогильные статуи в Дариганге, Л., 1930; Л. А. Е в т ю х о в а, Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, М.—Л., 1952 (МИА, № 24); А. Д. Г р а ч, Древнетюркские изваяния Тувы, М., 1961.

⁵⁵ J.-P. R о u x, La mort chez les peuples altaïques anciens et medievax, Paris, 1963, стр. 186—188; Л. Р. К ы з л а с о в, О значении термина *балбал* древнетюркских надписей, — «Тюркологический сборник. К 60-летию А. Н. Конопова», М., 1966, стр. 206—208. О возможной этимологии термина «балбал» см.: В. А. К а з а к е в и ч, Намогильные статуи в Дариганге, стр. 23.

ментами ⁵⁶. Письмена впоследствии стали называть «руническими», а открытие Мессершмидта забылось. В 1886 г. этот памятник, получивший название «третьего памятника с Уйбата», был вновь открыт Д. А. Клеменцем, доставлен в Минусинск и издан И. Аспелином и В. В. Радловым ⁵⁷. К сожалению, поверхность этой трехметровой стелы изъедена эрозией и надпись сохранилась неполностью; не все сохранившиеся знаки (более 400) читаются уверенно. До сих пор надпись переводилась неудачно; надежно не установлен и порядок строк. Не останавливаясь сейчас на критическом разборе существующих переводов, предложим иное понимание лишь одного места, связанного с интересующей нас темой:

bedizin ücün türk qan balbaly el ara toqız erig üdyş er oşlyn ügürüp ödür alty erdem begime er erdemi ücün eçime jyta joqlady guly as tutsar. . . 'Я собрал-выбрал в качестве изваяний балбал тюркского хана, [балбалы] девяти героев-воинов из эля и, следом, [балбалы] сыновей героев-воинов. О шесть моих доблестных бегов! Из-за [своей] рыцарской храбрости мой старший брат — о! увь! — вознесся (умер). Поэтому [теперь] его рабы предлагают [поминальную] трапезу. . .' ⁵⁸.

Из текста следует, что балбалы, т. е. изображения или каменные символы убитых врагов погребенного, являлись частью более обширного класса предметов погребального культа, обозначавшегося термином *bediz*. Теперь возможно дать более широкое определение этого термина в рунических текстах. Термин *bediz* обозначал: а) каменные изваяния, статуарные или барельефные, изображавшие в погребальном комплексе самого покойного, а при царских погребениях — близких и сподвижников покойного, участников похоронного обряда; б) грубые антропоморфные стелы или каменные столбики, расположенные цепочкой, примыкавшей к погребальной площадке (кургану, саркофагу), могильной оградке) с востока или юго-востока, и символизировавшие врагов, убитых погребенным, души которых были обязаны ему загробной службой. При этом следует оговорить,

⁵⁶ D. G. Messerschmidt, Forschungsreise durch Sibirien. 1720—1727, T. I. Tagebuchaufzeichnungen. Januar 1721—1722, Berlin, 1962, стр. 171.

⁵⁷ [J. R. Aspelin et O. Donner], Inscriptions de l'Ienisseï, Helsingfors, 1889, pl. XXV; В. В. Радлов, Атлас древностей Монголии, табл. 93, 94.

⁵⁸ Ср.: W. Radloff, Die Inschriften vom Ujbat, — АТІМ, 1895, стр. 339—340; С. Е. Малов, Енисейская письменность тюрков, М.—Л., 1952, стр. 62—63. Наш перевод существенно отличается от предшествующих. Так, С. Е. Малов переводит *bediz* как «красивое памятное здание», а идущую за последней строкой левой стороны первую строку передней стороны выносит в начало памятника, которое, однако, ничем им не определено. Сам С. Е. Малов назвал свой перевод «довольно сложным» (стр. 63). Окончание *-düm* при глаголе *ödür* опущено, как и во многих других случаях, когда время и лицо обозначены контекстом; ср., например, первый памятник с Альтын-кёля, стк. 1 (там же, стр. 53).

что термин «балбал» обозначал только символы убитых врагов и по отношению к более широкому термину *bediz* был более частным (видовым) понятием.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ДАР

Согласно сведениям иноземных наблюдателей, попавшим в нарративные источники, тюрки ставили каменные столбики-балбалы у погребений своих героев по числу врагов, убитых самим погребенным: «Обыкновенно, если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи»⁵⁹. Длинные цепочки балбалов, насчитывающие десятки и сотни камней, являются характерной чертой древнетюркских погребальных сооружений. В. Л. Котвич, производивший специальный подсчет, отмечает погребение, где сохранилось до 500 столбиков-балбалов⁶⁰. Столь значительное число балбалов практически при всех погребениях (поминальных сооружениях) тюркской аристократии вызывает естественное недоумение. Действительно ли все тюркские беги убивали сотни вражеских воинов или это эпическая гипербола в символической характеристике подвигов героя? В этой связи не меньшее недоумение вызывает то обстоятельство, что герой Ихе-Ханын-норской надписи «приобрел» (*qazyan-*) «столь много» *bediz*, т. е. собственное изваяние и балбалов, именно после смерти, при погребении.

Рассмотрим те эпизоды в древнетюркских надписях, когда известно, кто убил врага и кому он «поставлен балбалом». В 26—27-й строках своей надписи, текст которой готовился еще при жизни ее героя, Бильге-каган описывает кыргызский поход 711 г.: *qayanyn birle soña jyšda süñüsdüm qayanyn ölärtüm, ilin anta altym* '... с их каганом я сразился в черни Сонга. Я убил их кагана и овладел их элем' (БКб, 27). А в 24—25-й строках надписи в честь Кюль-тегина Бильге-каган, от имени которого ведется все повествование, сообщает: *eđim qayan uça bardy baş-laju qyrqyz qayany balbal tikdim* 'мой дядя-каган умер; первым я поставил ему балбал кыргызского кагана' (КТб, 25). Дядя Бильге-кагана, Капаган-каган, погибший в 716 г., в походе на кыргызов не участвовал, кыргызского кагана убил сам Бильге-каган, тогда еще наследный принц и шад тардушей. И вот через шесть лет после события он дарит душу убитого им врага-кагана своему погибшему дяде, что и символизировала первая фигура-балбал в цепочке других балбалов при погребальном сооружении Капагана.

⁵⁹ Liu Mau-t sai, Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken, Buch I—II, Wiesbaden, 1968: Buch I, стр. 42; Buch II, стр. 500.

⁶⁰ W. Kotwicz et A. Samoilovitch, Le monument turc d'Ikhe-Khuchotu. . . , стр. 87.

Другой случай. В сражении с киданями убит их полководец Ку-сенгун. Бильге-каган приписывает этот подвиг себе⁶¹. Но когда умер старший сын Бильге-кагана, тот «поставил ему балбалом Ку-сенгуна» (БК, Ха, 9).

Из этих эпизодов следует, что «своих» балбалов, которые, по выражению А. фон Габэн, были «личной собственностью победителя», можно было дарить другому лицу⁶², естественно, во время его похорон. В этом магическом действии и заключается объяснение не только чрезмерно длинным цепочкам балбалов в погребениях тюркской знати, но и многим несообразностям в текстах. В уже цитированной Уйбатской надписи упоминают «балбал тюркского хана». Но ни один из тюркских каганов не был убит кыргызами, на чьей территории воздвигнут памятник. Очевидно, следует переводить «балбал, пожалованный тюркским ханом», причем изготовить балбал могли, конечно, и на месте. Точно так же и остальные балбалы, которые «собрал-выбрал» устроитель погребального сооружения, были подарены погребенному наиболее заслуженными воинами его же эля. Не исключено, что третий Уйбатский памятник, самый крупный из известных в Хакасии, принадлежал не кыргызу, а знатному тюрку (наместнику?), так как погребения с изваяниями и балбалами не были свойственны древнекыргызскому погребальному обряду⁶³. Ситуация, когда в государстве кыргызов мог быть постоянный уполномоченный кагана, относится к периоду после 711 г. (разгром кыргызов тюркским войском), т. е. ко второму-третьему десятилетиям VIII в.⁶⁴.

⁶¹ В. В. Бартольд вслед за Ф. Хиртом отождествляет Ку-сенгуна с китайским вице-губернатором области Юйчжоу Го Инь-цзянем и относит битву к 733 г. (В. В. Бартольд, Новые исследования об орхонских надписях, — Сочинения, т. V, М., 1964, стр. 327; F. Hirth, Nachworte zur Inschrift des Topjukuk, — ATIM, Neue Folge, 1899, стр. 92). Однако это отождествление сомнительно, так как в китайских известиях о событиях 733 г. речь идет о нападении киданьского вождя Кэтугяна на пограничные провинции империи (в набеге принял участие тюркский вспомогательный отряд), между тем как в надписи Бильге-кагана сообщается о войне с киданями и татабы и разгроме их войска, что относится к 721—722 гг. (см.: Li u Ma u - t s a i, Die chinesischen. . . Nachrichten, стр. 354). Об исправлении чтения имени Ку (прежнее чтение Кур) см.: T e k i n, A Grammar. . ., стр. 279.

⁶² А. в. G a b a i n, Steppe und Stadt im Leben der ältesten Türken, — «Der Islam», Berlin, 1949, Bd 29, H. 1, стр. 37.

⁶³ О погребальном обряде у кыргызов см.: С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М., 1951, стр. 565—567; е г о ж е, История Тувы, стр. 97—99.

⁶⁴ Датировка надписи концом VII в. по упоминаемому в ней слову *tabam*, которое В. В. Радлов и С. Е. Малов рассматривали как личное имя Ильгерескагана, встречающееся в Онгинской надписи, неверна, так как правильное чтение этого слова — *atačum* 'мой батюшка'; см.: С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии, М., 1964, стр. 68.

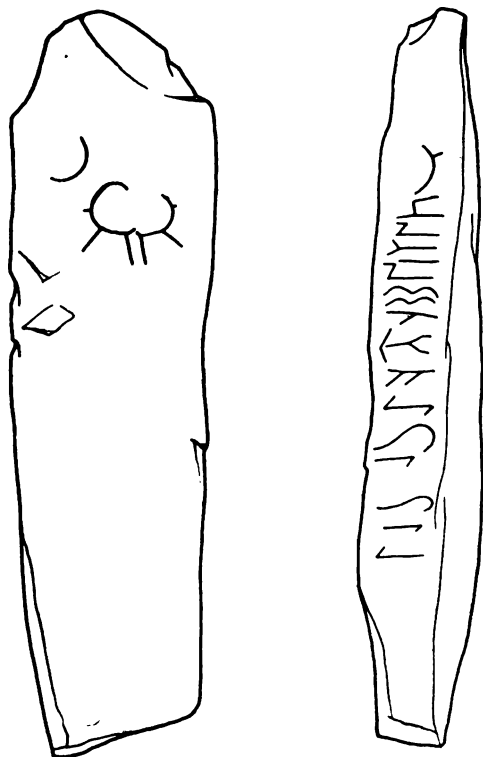

Рис. 2. Стела с надписью из погребального комплекса Бильге-кагана (прорисовка по фотографиям автора)

В погребальном комплексе Бильге-кагана обнаружена антропоморфная стела с надписью: *tölis šadyn taš balbaly* 'каменный балбал шада телисов' ⁶⁵. Шад телисов, одно из высших лиц империи, отнюдь не враг, а кто-либо из князей каганского дома, сын или брат Бильге-кагана (в надписи он носит титул *ara targaŋ* 'главнокомандующий войском', БК, Ха, 13). Поэтому балбал шада телисов свидетельствует не об убийстве Бильге-каганом сына или брата, а о поминальном подарке. Этот балбал и помечен родовой каганской тамгой, дополненной личным знаком. Очевидно, даром был и балбал в Онгинском погребальном комплексе с надписью: «балбал Ишбара-таркана» ⁶⁶. В надписи Кюльтегина упомянут наиболее сильный в 80-х годах VII в. враг его

⁶⁵ В. В. Радлов, Атлас древностей Монголии, табл. XXVI, 6—7.

⁶⁶ Текин, А Grammar..., стр. 293.

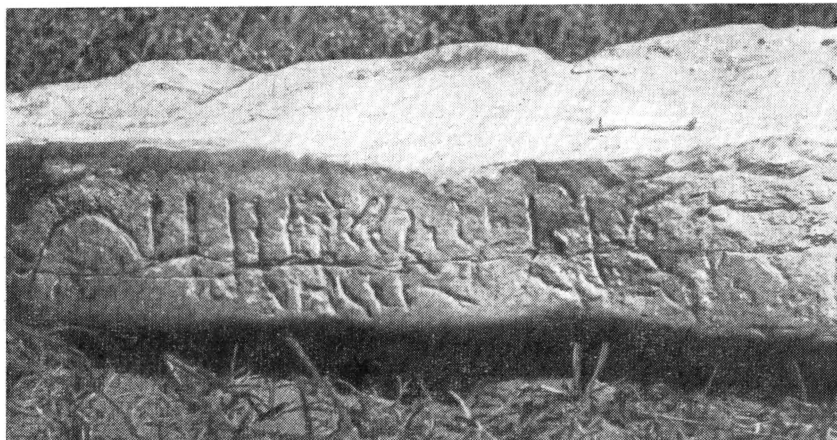

Рис. 3. Общий вид надписи на стеле из погребального комплекса Бильге-кагана (фото автора)

отца, Ильтерес-кагана, глава токуз-огузов Баз-каган (КТб, 14). Походом против огузов, их разгромом и подчинением руководил Тоньюкук, командующий войском при Ильтересе (Тон. 15—16)⁶⁷. Однако балбал, олицетворявший душу Баз-кагана, был установлен в погребальном комплексе Ильтерес-кагана (КТб, 16).

В енисейских рунических надписях слово *balbal* предположительно отмечается еще в двух надписях — пятом памятнике с Уйбата и второй надписи с Тубы⁶⁸. Однако чтение этого слова в обоих надписях сомнительно. Так, 3-ю строку в наскальной надписи с р. Тубы предпочтительнее читать: *idil jerime bengü bol* 'О страна моя Идиль! Вечно существуй!'

Этим исчерпываются возможности установить семантику и взаимную связь некоторых основных терминов из рунических текстов Монголии и Енисея, имеющих отношение к древнетюркскому погребальному обряду. Очевидно, что в дискуссии относительно значения тех или иных элементов этого обряда и их места в древнетюркской культуре, начатой еще в конце прошлого века и продолжающейся в археологической литературе и в настоящее время, использование сведений руники может оказаться немаловажным, так как позволяет более точно соотнести разногласные итоги современного обследования памятников с культовой терминологией их создателей.

⁶⁷ См. также: С. Г. К л я ш т о р н ы й, Руническая надпись из Восточной Гоби, — «Studia Turcica», Budapest, 1971, стр. 249—258.

⁶⁸ С. Е. М а л о в, Енисейская письменность тюрков, № 34, 36, стр. 65—66.